

Анатолий Васильевич Филимонов,
кандидат исторических наук, профессор
кафедры отечественной истории ПсковГУ
(г. Псков)

«Новая жизнь» имения Глубокое (1920-е гг.)

Имение Глубокое, принадлежавшее сначала князю М. А. Дондукову-Корсакову, а затем графу П. А. Гейдену, было в Опочечском уезде в начале XX в. одним из наиболее образцовых. Здесь имелось множество добротных хозяйственных построек, возведенных из дикого камня и кирпича, роскошный барский дом-дворец, работали предприятия – фанерная фабрика и винокуренный завод, на фермах содержался породистый скот, в полеводстве применялись правильные севообороты и т. п.

После же 1917 г. судьба имения, разделившего участь подобных ему «барских гнезд», оказалась во многом типичной, хотя и в чем-то неповторимой. В настоящем сообщении сведены воедино разрозненные крупницы сведений о судьбе бывших графских построек, усадебного парка, «россыпью» сохранившиеся в архивных документах и печатных изданиях. Они свидетельствуют о том, как постепенно приходила в упадок некогда благоустроенная усадьба, как распорядилась ее основными объектами новая власть, и каким образом теперь (уже просто в селе) уживались явления старого и нового. Сообщение отнюдь не претендует на исчерпывающее освещение вопроса, а представляет собой просто «картинки» явлений сложного и противоречивого времени: обнаруженные сведения очень отрывочны, слишком много в них лакун... (лакуны (от лат. *lacuna* – пробел) – это «пробелы», «пустоты» в познании – прим. ред.).

После революции имение было национализировано и перешло в ведение Глубоковского волисполкома, земли и сельхозинвентарь распределены между нуждавшимися крестьянами. Что касается использования построек усадьбы, то планов и вариантов было немало, но на первых порах, в обстановке развернувшейся Гражданской войны, местной власти порой было не до них. Вот и начали объекты усадьбы, лишившиеся подлинного хозяина, быстро ветшать. Так, в ноябре 1918 г. Глубоковский волисполком установил, что «пришли в негодность лесные материалы», предназначенные для уже бездействовавшей в то время фанерной фабрики, и даже заготовленные для нее дрова.¹ В таких условиях предприимчивость и смекалку проявили некоторые местные жители, решившие «вдохнуть в постройки новую жизнь». 21 мая 1919 г. в волисполком поступило заявление гражданина с. Глубокое А. М. Авсейчикова о том, что «он желает устроить в бывшей водочаке паровую мельницу, а также лесопилку, если местная власть найдет это нужным и окажет материальную поддержку». На это

заявление последовало следующее решение: «Не препятствовать, и по возможности оказывать ему поддержку, а его, Авсейчикова, направить в Опочку, в экономический отдел для дальнейшего ходатайства об открытии».² Результат обращения, однако, остается неизвестным: каких-либо свидетельств о существовании задуманных им предприятий, не обнаруживается. Да и не поощрялись нигде подобные инициативы в обстановке «военного коммунизма»!

Прежние имения чаще всего использовались новой властью для других целей: организации на их базе совхозов, племенных рассадников, опытных полей, учебных хозяйств, нередко отводились они под школы и учреждения социального обеспечения. Вот и Глубоковский волисполком вскоре после заявления А. М. Авсейчикова, 7 июля 1919 г., обсудил вопрос «Об организации при имении Глубокое племенного рассадника скота», постановив: «Отвести 50 дес. пахотной земли, не считая усадебных угодий, с целью организации племенного рассадника скота. Для обсеменения ярового участка в текущем году использовать имеющиеся семена овса в количестве 250 пудов, а также клевера. О снабжении рассадника племенным материалом просить уездного инструктора по животноводству при УЗО совместно с местным агрономом принять соответствующие меры». В дополнение к идее создания племрассадника волисполком постановил «приступить сразу же к открытию прокатного пункта сельскохозяйственных машин и орудий из имеющегося наличного количества при имении Глубокое. Весь инвентарь отремонтировать». На организацию племрассадника волисполком просил уездный земотдел отпустить 15 тыс. руб., а также командировать специалиста «для организации и заведывания рассадником». Племенное хозяйство задумывалось не только как сугубо хозяйственное, но и просветительское учреждение: волисполком поручил местному агроному организовать при имении сельскохозяйственную библиотеку и открыть аудиторию-читальню.

Но от этих радужных намерений очень скоро пришлось отказаться. Свободной пахотной земли, необходимой для племхоза, в окрестностях Глубокого не оказалось: вся она была уже в пользовании крестьян, отдавать ее они не желали, и даже идею организации совхоза встретили с недовольством. Поэтому буквально через несколько дней волисполком отменил свое решение, хотя от просветительских целей полностью не отказался, а также решил всячески «содействовать ценному начинанию». Какое-то количество коров в имении все же оставалось, а вся получаемая от них продукция (молоко) отправлялась в уездный продовольственный комитет. Но в связи с тем, что в селе находилось 7 красноармейских семей с маленькими детьми, которые сильно бедствовали, волисполком ходатайствовал о том, чтобы часть молока оставлять для них.³

Между тем, обстановка в окрестностях Глубокого была непростой: в грабежах и мародерстве были замешаны не только простые крестьяне, но и представители власти. Осенью 1918 г., например, в волисполком поступило заявление жителя д. Мошково Глубоковской волости Александра Романовского о том, что «20 сентября к нему в дом прибыли комиссар с двумя красноармейцами; не спрашивая, взяли у меня линейку, на что мне было очень обидно, т. к. я человек не буржуй и не кулак, три года прослужил на позиции, был ранен и опять иду защищать свою Советскую власть; а дома был оставлен один старик-калека. Вот я и приехал, и хочу у вас узнать, на правильных ли основаниях они это делают или нет, разрешено ли нашим товарищам так делать...». В деревнях Алтово, Кахново и Пуришево (вероятно, Пуришево – прим. Ред.) были отмечены даже случаи расправ красноармейцев с крестьянами, и дело закончилось передачей расследования в ЧК с последующим наказанием виновных.⁴

Иным было отношение новой власти к представителям религиозного культа. Так, 25 ноября 1918 г. волисполком обсудил вопрос «по поводу священника Розанова, не исполнившего предписание явиться в назначенный срок в Исполком». Указанный священник Василий Розанов был вызван в Исполком 24 ноября, а теперь, прибыв после повторного вызова, заявил, что не мог в установленное время явиться, т. к. «был занят своей домашней работой». Исполком посчитал эту причину неуважительной и оштрафовал священника на 500 руб. А вот в отношении дьякона Раевского и псаломщика Ратьковского решение Исполкома в феврале 1919 г. оказалось более мягким: «принимая во внимание их общественную работу и деятельность в настоящее время», он не отнес их к «эксплуататорам чужого труда». Несколько раньше, в декабре 1918 г. он установил штрафные санкции «за неподчинение Советской власти» для всех граждан волости: первый раз – 25 руб., второй – 100 руб.⁵

В обстановке общей неразберихи и непрочности позиций местной власти многие из них не прочь были поживиться и имуществом бывшей усадьбы, которая все больше приобретала облик неухоженного, ограбленного места. Газета «Красный набат», выходящая в Великих Луках в качестве губернского печатного органа (центром губернии летом 1919 г. вследствие захвата Пскова белогвардейскими войсками являлись Великие Луки), в августе 1919 г. писала: «В Опочечком уезде есть имение Глубокое, которое отведено под советское хозяйство. Но барский дом в заброшенном виде, все ценные вещи разграблены. Имеющийся при имении фанерный завод также забыт и заброшен. Хорошие, новые станки, которые могли быть приспособлены к другой работе, стоят без применения, приходят в негодность. Была на заводе динамо-машина, ее похитили. Винокуренный завод в имении также заброшен: паровые котлы разрушаются, слесарные предметы и части исчезают. Местная власть не принимает мер к охране».⁶

Отдельные помещения графского дома все же использовались, например, под жилье. Волостной комитет РКП(б) уже 30 октября 1918 г. для «обследования помещений в имении Глубокое» постановил создать специальную квартирную комиссию, которая тщательно обследовала квартиры всех граждан, вселившихся разными путями (на законных основаниях или самовольно) в барский дом и другие постройки, и постановила установить для них плату за топливо, а иных вообще выселить.⁷ В каких условиях приходилось жить в усадьбе людям, красноречиво показывает один частный факт. В сентябре 1919 г. секретарь народного суда 6-го участка Опочецкого уезда Никифор Гусев, проживавший в этом доме, воспользовался тем, что в бывшем имении освобождается вследствие убытия специалиста из села одна из квартир, и просил разрешения в нее вселиться. «В квартире, занимаемой мною в бывшем графском доме, жить нет возможности, – писал он, – страшный холод и сырость, печей топить нельзя ввиду их порчи». Волисполком, однако, в просьбе отказал.⁸

Только в 1920 г. бывшему графскому дому было найдено другое применение: в нем разместился детский приют. В апреле 1921 г. волисполком инициировал вопрос об открытии в Глубоком «советской общественной столовой», что вызывалось необходимостью организовать питание работавших в селе служащих волостных учреждений («за большим расстоянием от своего хозяйства»), а также приезжавших в волостной центр в большом количестве крестьян. Для этого было подыскано одно из помещений усадьбы (примерно на 60 чел.), изысканы столы, стулья, посуда, поэтому волисполком признал организацию столовой целесообразным и ходатайствовал перед уездными властями о снабжении ее продуктами.⁹ А через два месяца, в июне того же 1921 г., Опочецкий уком РКП(б) признал необходимым «организовать в с. Глубоком Дом отдыха курортного типа для рабочих и ответственных работников, не отделяя его от существующего там приюта для слабых детей», выйдя с этим предложением в уисполком. Последнему партийный орган уезда поручил «подыскать соответствующего толкового заведующего санаторией, дав ему двух помощников, изыскав материальные средства на оборудование и ремонт, проведя бронирование достаточного количества продуктов и материалов, необходимых на оборудование и существование санатория».¹⁰

Дом отдыха открыть в Глубоком не удалось, а тем временем в имении все чаще давали знать о себе явления бесхозяйственности. Уездная газета «Новые дни» в одном из номеров за 1922 г. обратила внимание на хищническое истребление некогда красивого усадебного парка: «В красивом селе Глубокое, где помещается детская санатория, имеется большой парк, в котором за последнее время вырезано до 40 дубов и спилены с корня клены. Расхищено и много инвентаря, сданного на хранение волисполкому».¹¹ Явления явной бесхозяйственности процветали и по отношению к

постройкам. Хотя и с опозданием (более чем на год), на эти факты отреагировал Опочецкий уисполком, 12 ноября 1923 г. принявший постановление «О разрушении построек и содержании в антисанитарном состоянии помещений бывшего имения в с. Глубоком». Оно гласило:

«Принимая во внимание небрежное, халатное отношение к сохранению государственного имущества некоторыми должностными лицами Глубоковской волости и заведующего госимуществом УЗУ, выразившемся в разрушении построек и содержании в антисанитарном состоянии помещений, постановить:

1. Поставить на вид заведующему госимуществом УЗУ т. Туманскому и предложить впредь строго следить за надлежащим сохранением всего государственного имущества на месте;

2. Предложить всем волисполкомам иметь надлежащее наблюдение за содержанием и сохранением госимущества, несмотря на то, в чьем ведении таковое ни находилось;

3. Подвергнуть дисциплинарному наказанию следующих лиц: председателя Глубоковского волисполкома т. Иванова на трое суток ареста, агронома Миронова – на семь суток, лесничего Озерного лесничества гр. Эзера – на пять суток ареста».¹²

Положение размещенного в Глубоком детского дома (приюта) тоже было незавидным, что показало его обследование в начале следующего, 1924 г. Доклад по итогам обследования слушался 17 марта 1924 г. на заседании Опочецкого укома РКП(б), который предписал общему отделу Исполкома «принять решительные и энергичные меры для улучшения материального положения детского дома, устранения выявленных ненормальностей и дефектов», а Глубоковскому волисполкому – «обратить должное внимание и принять активное участие в работе по улучшению быта детей, выделить особого товарища за наблюдением за детдомом».¹³

Вслед за укомом партии 16 апреля того же года вопрос «О положении в детдомах уезда» обсудил уисполком. Речь шла обо всех существовавших в городе и уезде учреждениях, в отношении которых было решено увеличить выделение «средств по бюджету для улучшения питания детей», не позднее 1 мая обеспечить детские дома бельем и одеждой, а за Глубоковским детдомом, помимо этого, закрепить участок земли в 4 дес.¹⁴ Но детскому дому тоже существовать после этого оставалось недолго: уже 5 февраля 1925 г. Опочецкий уисполком постановил передать здание, в котором он размещался, а также прилегавшие к дому земельный участок и сад школе I ступени.¹⁵

В середине 1920-х гг. дошла очередь и до использования некоторых хозяйственных построек. Прежде всего Псковский губисполком по представлению отдела местного хозяйства 20 сентября 1926 г. принял решение об окончательной ликвидации в Глубоком фанерной фабрики и

порядке использования имевшегося в ней оборудования: «с зачислением вырученных средств в промфонд Опочецкого уезда».¹⁶ Но очень скоро на «здание и оборудование фанерной фабрики быв. Гейдена» «положил глаз» трест «Псковспирт», который после отмены в 1925 г. «сухого закона» был занят восстановлением ряда винокуренных заводов в губернии. Решил он возродить и Глубоковский завод, который в числе 8 таких предприятий значился «законсервированным и находящимся в процессе начала работы». Поэтому он через губернский отдел местного хозяйства (ГОМХ) ходатайствовал перед губисполкомом о бесплатной передаче ему здания и оборудования бывшей фанерной фабрики, намереваясь использовать их для расширения винокуренного завода. Однако губисполком 22 июня 1927 г. в бесплатной передаче ему отказал, а вскоре бывшая фабрика была продана «Псковспирту» за 1000 руб.¹⁷ Последний составил на 1927/28 г. промфинплан, наметив начало «винокурения» на Глубоковском заводе на 1 октября 1927 г. За 1927/28 г. предусматривалось изготовление здесь 41345 ведер спирта крепостью 40⁰, установив до этого в помещении 8 заторных чанов общей вместимостью 2680 ведер (по 353 ведра каждый). Основным сырьем для завода должны были стать ячмень, кукуруза и картофель.¹⁸ В конечном счете винокуренный завод (спиртзавод) в Глубоком был восстановлен и начал действовать.

Возродилось, таким образом, производство, существовавшее еще при графе П. А. Гейдене. Осенью 1929 г. было проведено обследование предприятия, выявившее множество нарушений и неполадок и закончившееся освобождением от работы его заведующего. Райком партии постановил в срочном порядке провести ревизию финансово-хозяйственной деятельности, а материалы передать в прокуратуру для привлечения виновных к ответственности.¹⁹

Основным же «хозяином» большинства угодий в Глубоком и его окрестностях, прежде всего, парка и лесов, выступало лесное ведомство, а точнее – Озерное лесничество. В октябре 1927 г. Опочецкий райисполком решил передать ему с 1 октября 1928 г. и озеро Глубокое: «как не имеющее промыслового значения и с трех сторон окруженное лесом государственного значения»²⁰. Лесничество же, посчитав себя «монополистом» находившихся в его ведении угодий, очень скоро этим стало злоупотреблять, и коснулось это опять же многострадального усадебного парка. В феврале 1928 г. Опочецкий райисполком специально рассмотрел вопрос «О вырубке парка в с. Глубокое Озерным лесничеством». «Относя Глубоковский парк к числу имеющих историческое значение, – записал он в решении, – просить окрисполком принять категорические меры через окружной лесной отдел о прекращении хищнического истребления вышеуказанного парка Озерным лесничеством. Кроме того, просить окрисполком привлечь лесничего Озерного лесничества Спиридонова к ответственности за истребление

указанного парка»²¹. Об этом же факте вскоре сообщила и окружная крестьянская газета: «Озерным лесничеством в Опочечком районе истребляется вековой Глубоковский парк. Президиум Опочечкого райисполкома возбудил ходатайство об охране этого ценного леса. Лесничий Спиридонов будет привлечен к ответственности».²²

В том же году «монополию» лесничества стали постепенно теснить другие хозяйственные структуры. В апреле 1928 г. райисполком признал целесообразным организовать в Глубоком сельскохозяйственное кредитное товарищество, в район деятельности которого включалось четыре сельсовета: Глубоковский, Каменский, Водобегский и Полеевский. Учредителями его выступили 55 жителей Глубокого и окрестных деревень, которым на первых порах приходилось непросто. Так, вновь образованное товарищество не было включено ОкрЗУ в сеть снабжаемых организаций и не получило наряда на семенные материалы, в чем оно сильно нуждалось. Тогда Опочечкий райисполком постановил передать ему прибывшие на железнодорожную станцию Есенники четыре вагона овса, предназначенные другому аналогичному товариществу²³. В том же, 1929 г. в Глубоком был организован колхоз, а уже в октябре Опочечкий райисполком, руководствуясь установкой на создание «колхозов-гигантов», утвердил «Проект расширения сельхозартели «Глубокое»». Решение его было следующим:

«1. Бывший парк в с. Глубоком, находящийся в ведении Озерного лесничества, по которому разбросаны строения сельхозартели, передать колхозу;

2. Полевой школьный участок передать колхозу, как вклинившийся;

3. Землю самовольного переселенца гр. Ершова Ивана прирезать колхозу...

4. Усадьбу Озерного лесничества признать целесообразным оставить за последним;

5. Усадьбы граждан с. Глубокое, как оказавшиеся в пределах колхозных земель, передать колхозу, выделив им отдельные усадебные участки...».²⁴

Спустя несколько месяцев, в марте 1930 г., райисполком рассмотрел ходатайство Глубоковской сельхозартели, касавшееся оставленной за лесничеством его прежней усадьбы. «В виду того, – гласило решение райисполкома, – что бывший дом Гуйтова, который передан в настоящее время сельхозартели «Глубокое», находится в дальнем расстоянии от центра сельхозартели, а дом, занятый лесхозом, находится в центре сельхозартели, просить Озерное лесничество передать занимаемое помещение сельхозартели, а лесхоз перевести в бывший дом Гуйтова».²⁵

А в октябре 1932 г. Опочечкий райком ВКП(б) утвердил проект организации в Глубоком специализированного свиноводческого совхоза,

которому отводилась площадь земли в 1000 га – ранее не используемых, и за счет бывшего ведомственного совхоза «Союзмясо», создаваемому хозяйству передавались и его постройки. С этой территории предстояло переселить 8 единоличных хуторских хозяйств, перевести отсюда лесопункт и ветеринарный пункт, правление уже существовавшей здесь артели «Путь Октября». Требовалось развернуть строительство новых хозяйственных помещений, для чего необходимо было выделение лесосечного фонда, т. к. «за счет лесов местного значения удовлетворить потребности не представляется возможным»; для подъема зяби из совхоза «Красный фронтовик» и МТС передавалось по два трактора, привлекалась рабочая сила из окрестных деревень, в совхоз направлялись специалисты.²⁶

Отныне на долгие годы бывшее «барское гнездо» стало центральной усадьбой совхоза, где помимо этого действовал спиртзавод, а позднее была организована и МТС.

Примечания

¹ Отделение документов новейшей истории и по личному составу Государственного архива Псковской области (ОДНИЛС ГАПО). Ф. 5713. оп. 1. д. 16. л. 8.

² Государственный архив Псковской области (ГАПО). Ф. Р-590. оп. 1. д. 288. л. 70.

³ Там же. Л. 152-153, 157, 181, 399.

⁴ ГАПО. Ф. Р-590. оп. 1. д. 45. л. 465, 466, 826, 943.

⁵ ГАПО. Ф. Р-590. оп. 1. д. 287. л. 1, 28, 122.

⁶ Красный набат. 1919. 12 августа.

⁷ ОДНИЛС ГАПО. Ф. 5713. оп. 1. д. 16. л. 6, 8.

⁸ ГАПО. Ф. Р-590. оп. 1. д. 288. л. 366, 368-369.

⁹ ГАПО. Ф. Р-590. оп. 1. д. 534. л. 46.

¹⁰ ОДНИЛС ГАПО. Ф. 5713. оп. 1. д. 135. л. 69.

¹¹ Новые дни. 1922. 29 июня.

¹² ГАПО. Ф. Р-590. оп. 1. д. 1394. л. 147.

¹³ ОДНИЛС ГАПО. Ф. 5713. оп. 1. д. 344. л. 30.

¹⁴ ГАПО. Ф. Р-590. оп. 1. д. 1539. л. 78.

¹⁵ ГАПО. Ф. Р-590. оп. 1. д. 1540. л. 21.

¹⁶ ГАПО. Ф. Р-590. оп. 1. д. 1628. л. 383; д. 1764. л. 209.

¹⁷ ГАПО. Ф. Р-590. оп. 1. д. 1764. л. 554 об.; д. 1895. л. 98 об.; Ф. Р-324. оп. 1. д. 37. л. 22 об.

¹⁸ ГАПО. Ф. Р-324. оп. 1. д. 77. л. 313, 336, 338.

¹⁹ ОДНИЛС ГАПО. Ф. 6749. оп. 9. д. 86. л. 187 об.

²⁰ ГАПО. Ф. Р-324. оп. 1. д. 37. л. 6.

²¹ Там же. Л. 76.

²² Псковский пахарь. 1928. 7 марта.

²³ ГАПО. Ф. Р-324. оп. 1. д. 37. л. 115 об.; д. 156. л. 74.

²⁴ ГАПО. Ф. Р-324. оп. 1. д. 156. л. 142.

²⁵ Там же. Л. 160 об.

²⁶ ОДНИЛС ГАПО. Ф. 6749. оп. 9. д. 181. л. 63, 65.